

текст можно рекомендовать экспертам из корпоративного сектора и медиа, а также тем, кто активно использует труд цифровых фрилансеров. К тому же имеются сведения, что в России планируется законодательно закрепить статус подобных работников, и в связи с этим монография уместна на столах тех, кто разрабатывает соответствующую нормативную базу. В целом, это важная книга в российском социологическом пространстве.

Р.Н. АБРАМОВ

АБРАМОВ Роман Николаевич – доктор социологических наук, профессор департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (roman_na@mail.ru).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. WHAT DO WE KNOW ABOUT FREELANCERS? SOCIOLOGY OF FREE EMPLOYMENT. Moscow: VSHE, 2022. Reviewed by R.N. ABRAMOV.

DOI: 10.31857/S013216250024630-6

Roman N. ABRAMOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. Department of Sociology, Leading Research Fellow of the International Laboratory for Social Integration Research HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (roman_na@mail.ru).

© 2023 г.

Козырьков В.П., Придатченко М.В., Шалютина Н.В.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ:
учебное пособие / Под ред. В.П. Козырькова. СПб.:
Алетейя, 2021.

Учебное пособие написано на основе многолетнего опыта преподавания авторами дисциплины «Социология культуры» магистрам и аспирантам с учетом специфики молодежной аудитории при анализе теоретических проблем и постановке вопросов для обсуждения.

Авторы побуждают аспиранта/магистра к размышлению над альтернативами общественного развития. Даже названия параграфов ориентируют на это сотрудничество, например: «Зачем цифровому обществу сохранять культуру и что ему делать с контркультурой?» Дидактическая мудрость такого построения пособия имеет объективные причины: понятия социологии культуры не имеют и не могут иметь однозначных дефиниций, поскольку их содержание формируется под влиянием множества факторов, в том числе ситуативных. Один из параграфов «О пользе и вреде словарей и сайтов о культуре в социальных сетях» (с. 31)¹ указывает на тщательность анализа понятийного аппарата, связанного с дефинициями культуры, которых, как известно, около тысячи.

Зафиксировав сложность феномена культуры, анализируя наиболее распространенные «стереотипные» дефиниции (с. 15–41), авторы приходят к выводу, что окончательного определения культуры дать невозможно, так как культурные практики постоянно развиваются, а поэтому «понятие культуры вне его исторического и объективного содержания лишено смысла» (с. 38). Однако ссылка на конкретику эпохи не снимает вопроса о критерии отнесения к культуре различных явлений, поскольку «наиболее тонкие инструменты

¹ В круглых скобках указываются страницы рецензируемой книги.

развития человека могут превратиться в орудия его порабощения». И далее: «высокий уровень культуры общества» предполагает «ее гуманистическую направленность», вне которой «формируется кризис культуры» (с. 39). Но конкретизируя многозначное понятие «культура» через не менее многозначное «гуманизм», проблема строгости дефиниции не решается – гуманизм имеет не только историческое, но и классовое/кастовое/групповое наполнение в соответствии с выбранной акторами/субъектами сверхзадачей. Все попытки его содержательного однозначного наполнения на сегодняшний день терпели крах. Так, свежий пример – мотивация «культуры отмены» русской, а заодно и всей российской культуры на Западе в 2022 г. после начала спецоперации. Именно поэтому утверждение, что «социология культуры есть один из способов рационалистического противостояния процессам отчуждения человека» (с. 39), не более чем желаемое, но не действительное.

Поскольку рабочее определение культуры все-таки нужно, авторы предлагают: «В самом общем логическом смысле культура есть такая деятельность и такие средства, используемые человеком в своей общественной деятельности, которые позволяют раскрыть наиболее полно свойства объекта и добиться их совершенствования в общественной жизнедеятельности» (с. 55). В нем упор сделан на внешний результат деятельности человека, но не на его личностное изменение. Это вписывается в устоявшееся в общественном мнении «смысловое поле»: культура – это лучшее, что создано человечеством, после чего можно было бы поставить точку. Но как быть с критериями совершенства, например при применении ядерного оружия? Или – на обыденном уровне – возможностью изменения внешности через пластическую операцию, все чаще практикуемую преступниками?

Если анализу дефиниций культуры авторы уделяют несколько десятков страниц, то понятие цифрового общества вводится без «расшифровки» его значений. Авторы подчеркивают, что «цифровое общество есть не столько продукт действия цифровых технологий, сколько цифровые технологии есть “продукт” развития самой культуры» (с. 7). Такой подход основывается на широком понимании культуры, как всего (т.е. и технологий) искусственно созданного человеком. На наш взгляд, более точна позиция марксизма: производительные силы более динамичны, чем производственные отношения. Наука на определенном этапе сама становится производительной силой общества, но это не снимает вопроса об исторической первичности других элементов производительных сил. К тому же поставленный ранее вопрос о критериях совершенства вновь приобретает латентность.

Продemonстрируем это на примере анализа утверждения авторов, что «Социология культуры в цифровом обществе становится социологосом культуры, поскольку виртуальное пространство не может содержать в себе весь общественный культурный контент без его осмысленной рационализированной формы с использованием цифровых технологий» (с. 7). Рационализация, вне сомнения, необходима, но не стоит преувеличивать роль гуманитарного знания как некоего демиурга. На наш взгляд, социология культуры не способна быть *социологосом*: как и все другие отраслевые социологии она дает более/менее адекватную оценку событий в изучаемой сфере. В лучшем случае фиксируются тенденции, реже закономерности, но в условиях непредсказуемо меняющихся технологий (от собственно технических до социальных) и закрытости информации от «непосвященных» (в число которых входят и обществоведы) социальные науки утрачивают познавательную функцию, снижается качество их прогнозирующей и управленческой функций, а соответственно, востребованность и роль в обществе. Поздний советский и постсоветский периоды подтверждают этот вывод многочисленными примерами, в том числе через реформу образования.

Кроме того, никогда в истории ни одна из отраслевых социологий, как и наука вообще, не были социальным актором/субъектом принятия решений. Ближайший и ярчайший пример – реформа Российской академии наук 2013 г., направленная на разделение научно-исследовательских и административных функций, наглядно показала уровень/степень субъектности даже такого, казалось, неприкасаемого из-за своей авторитетности института, как РАН, и манипулятивности ее членами.

Снижая функционал социологии культуры как «социологоса культуры», мы не отрицаем необходимости анализа всего доступного «поля культуры», оговорив, что оно не имеет четких границ с субкультурой, контркультурой, антикультурой... Об этой «текучести» понятия авторы пишут так: «Культура в социологическом моделировании есть явление, одновременно сложное и простое, понятное и таинственное, устойчивое и постоянно изменяющееся, единое и многообразное, монолитное и противоречивое, индивидуальное и общественное» (с. 9). Здесь же задается справедливый вопрос: объектами Министерства культуры РФ являются музеи, театры, архивы, литература, но почему его не интересуют, к примеру, культуры отдельных социальных групп, образования и т.д. «О теневой стороне культуры в общественном сознании не возникает даже вопросов, так как на обычном уровне культура всегда оценивается как нечто положительное» (с. 15).

Действительно, закрепление за понятием культура положительного содержания выводит за рамки исследования сложнейшие взаимоотношения, возникающие в повседневной жизни. Веками формировавшаяся практикой совместного выживания популяции, закрепленная в религиозных заповедях матрица общественного сознания включала в себя набор образцов, получивших название традиционных ценностей. Обеспечивая стабильность обыденной жизни, они не могли не быть признанными как положительные; при этом формулировка их столь абстрактна, что позволяла трактовать каждую норму в угоду историческим реалиям. Наглядный пример – десять казней египетских, которые наслал бог евреям на египтян, не осуждаются и после провозглашения шестой заповеди Ветхого Завета «Не убей», а Новым Заветом благословляли крестовые походы и инквизицию. Но чем лучше мораль князей «Святой Руси», из-за междоусобицы которых потомки веками расплачивались данью? Подобные явления прошлого оправдываются историческими обстоятельствами и характеризуются как разновидность культуры определенного этапа развития общества. Иная ситуация по отношению к настоящему: изобретаются многочисленные критерии оценки одних и тех же современных явлений на шкале «культура – не культура», «гуманно – не гуманно» либо для их оправдания, либо осуждения вне конкретности контекста.

Мы солидарны с А.А. Возьмителем, сделавшим на основе анализа ситуации в России вывод «о движении России в сторону того типа культур, для которых характерно достижение результата любой ценой»². Согласимся и с Л.Г. Фишманом, что «посткапитализм – не коммунизм и не христианский рай. Это, своего рода, загробная жизнь капитализма, в которой нет и не может быть места совершенному человеку будущего, но зато есть место “личностям” – феноменам эпохи эксплуатации и неравенства в разных его видах, обреченных на социальный рай или ад»³. И это объяснимо: обыденное сознание следует за образцами, тиражируемыми властью имущими, но она в этот «положительный набор» включает то, что соответствует ее интересам, благодаря информатизации и цифровизации он быстрее изменяется и распространяется в обществе. Функционал «культуры», транслируемой через всеобъемлющие технологии, с неотвратимостью задает смыслы, особенно в цифровом обществе, в том числе и вне «осмысленной рационализированной формы», открывая возможности каждому желающему стать автором контента, тем самым увеличив «управляемый хаос», с «целью ограничения» которого можно принимать любые нужные для контроля за «пассионариями» законопроекты.

В главе 3 «Общий структурный анализ трансформации уровней и характера культуры в цифровом обществе» авторы делают вывод, что «нет запроса на теоретические исследования развития культуры и морали в социально-практических целях в цифровом контексте» (с. 47–48). Согласимся с ним. Причины понятны: надежные модели управления давно разработаны и апробированы за рубежом, в России же для управления ситуацией и достижения

² С. 68. Возьмитель А.А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской столичной молодёжи // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751.

³ С. 151. Фишман Л.Г. Рец. на книгу: Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021 // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 148–153.

нужных целей, как показал опыт, достаточно было их ретрансляции. Исследования на тему «Как предотвратить риски превращения “человека в киборга”» не соответствуют глобальным целям «мирового правительства» и, следовательно, могут быть только инициативными, востребованными узким кругом «неравнодушных» к этой проблеме.

Еще одна дискуссионная тема: каковы будут последствия того, что «в настоящее время ведущей и перспективной тенденцией развития культуры является создание условий для развития свободной индивидуальности человека. В частности, с помощью новых средств и условий, которые создаются с помощью информационных технологий и новых коммуникационных сетей» (с. 50). По нашему мнению, марксистский постулат «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», имевший совершенно другое содержательное наполнение в XIX в., таит в условиях цифрового общества «вирус» самоуничтожения человечества, поскольку традиционная мораль, религия и уголовный кодекс утрачивают регулирующее значение даже по отношению к тому, что обеспечивает существование человеческой популяции. По данным исследования Российского общества социологов 9751 студента вузов в 2022 г.⁴, в идеальном обществе должно быть толерантное отношение к сексуальным меньшинствам (79,9% из 7614 ответивших на вопрос), возможность однополых браков (76,7% из 6584), возможность смены пола (71,7% из 6400), легализация легких наркотиков (63,3% из 4951). Иначе говоря, «свободное развитие каждого» ведет к утрате инстинкта самосохранения большинством популяции. Мотивация таких предпочтений объясняется правом человека на выбор ценностей⁵.

Но для всех ли и с какой целью тогда нужно развитие «свободной индивидуальности» или она иллюзия, вброшенная для активизации потребностей «ниже пояса» у большинства населения? К месту вспомнить предупреждение М. Ковальчука, высказанное им во многих выступлениях, в том числе на Парламентском часе в Совете Федерации в 2015 г.: «...сегодня возникла реальная технологическая возможность вмешаться в процесс эволюции человека. И цель – создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* – служебного человека. ...Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже все готово. Значит фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять»⁶.

Ковальчук сделал упор на месте России в этой новой системе мировых координат, но это не отменяет того, что и в самой России каждому будет определено место согласно «сословной» принадлежности. Солидаризируемся с мнением О.Н. Четвериковой, выступавшей на круглом столе «Концепция возрождения образования и науки в России» (С.-Петербург, 30 сентября 2020 г.), что «мир вступил в цивилизацию, принципиальное отличие которой в том, что если раньше технологии были направлены на изменение мира вокруг человека, то в настоящее время акцентируется изменение самого человека, в том числе через изменение его генома. В цифровой цивилизации большинство населения

⁴ Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. ISSN 2408–9338.

⁵ Широкалова Г.С. Верификация визуальности: что вижу – то пою // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 24–26 ноября 2020 г.) / Башкирский государственный университет; отв. редактор Р.Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 162–171. ISBN 978-5-7477-5252-8.

⁶ Директор «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта». 30 сентября 2015 г. URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/44107.4> (дата обращения: 02.01.2023).

становятся биотехнологическими объектами, в результате чего общество будет жестко структурировано»⁷. Вне сомнения, активизация работы по разъяснению угроз, которые заложены в проекте цифровизации российского образования, необходима, но к ней уже не готово и педагогическое сообщество⁸.

Будучи преподавателями вуза, авторы учебного пособия не могли не отразить распад связи вопроса и ответа в современных коммуникациях: «Преимущественно задаются такие вопросы, которые не требуют адекватных ответов, то есть ответов, которые являются решением проблемы. Наступило инфантильное время, время "почему-чек", которых устраивает правдоподобный ответ, а не истинный, не решение проблемы» (с. 313). Авторы не хотят правдоподобных ответов от студентов. Но любой ответ на задаваемый ими же вопрос: «Почему человек сторонится своей же культуры, ищет какую-то иную, часто обрекая себя на определенную антропологическую ущербность?» (с. 319), сегодня будет лишь правдоподобен: неисчислимо число фактов, которые надо проанализировать для ответа на него, и далеко не все из них доступны.

Поэтому искать ответы надо не столько в теории культуры, сколько в практике взаимоотношений социальных страт, когда-то графически изображенных П.А. Сорокиным в виде пирамиды. Но если тогда в национальной культуре доминировали две: дворянская и крестьянская, то сегодня на каждой ступени пирамиды их будет несколько. Но это уже другая теоретико-практическая задача. В заключение отметим, что всесторонний анализ авторами понятийного аппарата при исследовании феномена культуры дает надежный инструмент оценки процессов в современной культуре. Учебное пособие будет полезно не только для студентов, но и обществоведов широкого профиля.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор Нижегородской сельскохозяйственной академии; старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия (shirokalova@list.ru).

Kozyrkov V.P., Pridatchenko M.V., Shalyutina N.V. SOCIOLOGY OF CULTURE IN A DIGITAL SOCIETY: a textbook. Ed. by V.P. Kozyrkov. St. Petersburg: Aleteya, 2021. Reviewed by G.S. SHIROKALOVA

DOI: 10.31857/S013216250024383-4

Galina S. SHIROKALOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; senior researcher, Volga Branch of FCTAS RAS; Leading Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (shirokalova@list.ru).

⁷ Ольга Четверикова: Цифровая цивилизация рассматривает человека как технологический объект. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fno31uuFftk> (дата обращения: 02.01.2023).

⁸ Широкалова Г.С. Реформа образования. Педагог, знай свое место! // Обучение, тестирование и оценка. Мат. Международной конференции. Вып. 20. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 206–212.